

Еще о подвигѣ о. Евтихія.

О подвигѣ этого скромнаго старца-іеромонаха можно вспоминать лишь съ чувствомъ восхищенія и преклоненія предъ доблестью отца Евтихія, который въ исключительно тяжелую минуту повелъ рядомъ съ командиромъ полка своихъ солдатъ въ атаку, съ однимъ св. крестомъ въ рукахъ.

Смертью своей о. Евтихій запечатлѣлъ этотъ подвигъ беззавѣтнаго мужества...

Сколько разъ о. Евтихій подвергалъ свою жизнь опасности! Не было дня, чтобы онъ не посѣщалъ окопы и не бесѣдовалъ съ солдатами, которымъ эти бесѣды простаго русскаго и самобытнаго человѣка были понятны и дороги.

И ходилъ въ окопы о. Евтихій не только въ сравнительно спокойное время, но и въ моменты ожесточенныхъ боевъ, не забывалъ сходить и благословить своихъ солдатъ, причастить тяжело раненаго и похоронить убитаго.

Во время одного изъ такихъ своихъ посѣщеній окоповъ, о. Евтихій попалъ подъ огонь блиндированнаго автомобиля. Объ этомъ онъ рассказывалъ потомъ съ присущимъ ему юморомъ.

— Пошелъ я съ парковникомъ въ 14 роту тяжело раненаго участить, да идти было далеко и приустиали. Вижу, по „шошѣ“ линейка ѣдетъ. „Пойдемъ, говорю, Федоровъ, къ линейкѣ: она раненаго до околка довезетъ“. Пошли... А сваряды-то по дорогѣ „тяпъ“ да „тяпъ“, то справа, то слѣва. Смотрю, линейка-то насъ замѣтила и къ намъ подвигается. Пошли быстрѣй. А тутъ изъ окопа солдатикъ вылѣзаетъ да и говорить: „Батюшка, сажайся скорѣе въ окопъ, это по тебѣ германъ изъ пушекъ стрѣляетъ“... „Я, говорю, дойду до линейки“... „А какая это линейка—это автомобиль“...

По батюшкѣ стрѣлялъ нѣмецкій бронированный автомобиль, который онъ принялъ за „линейку“...

Упорные бои, кровопролитные и непрерывные. Нѣмцы, видимо, задались цѣлью окружить наши полки... Ихъ отбрасывали сегодня, а на утро они опять оказывались предъ нами...

Мы отступали медленно, методично, шагъ за шагомъ подвигались съ боемъ назадъ, чтобы парировать эти удары противника, прорвавшася между нашими группами. Уже цѣлую недѣлю полки отходили, ведя непрерывные, одновременно арьергардные и авангардные бои... Приходилось отбрасывать насѣдшаго на нашъ хвостъ противника и рачищать себѣ дорогу дальше... Уже семь дней и ночей не спали люди, утомленные боями и непрерывными маршами. Уже семь дней кухни были пусты, и люди питались однимъ горохомъ, который собирали тутъ же на поляхъ. Въ одинаковомъ положеніи были и солдаты, и командиръ полка, и командующій дивизіей, дѣлившій съ солдатами всѣ невзгоды и лишенія боевой жизни.

9 Іюля, только что отбили атаки нѣмцевъ, насѣдавшихъ на правый флангъ, какъ обнаружился глубокій обходъ слѣва... Выяснились

значительныя силы пѣхоты и кавалеріи противника, стремившагося отрѣзать намъ путь отхода... Наши части задерживали, насколько хватало силъ, врага, но на мѣстѣ отброшенной цѣпи противника показывалась новая цѣпь, вмѣсто разсѣяннаго эскадрона появлялся свѣжій.

Къ полудню бой достигъ своего апогея. Уже въ бой были введены всѣ резервы и напрягали послѣднія свои силы, чтобы противостоять втрое сильнѣйшему противнику и дать возможность отойти остальнымъ частямъ корпуса.

Въ рѣшительный моментъ боя командиръ полка, полковникъ Л., собралъ послѣднія шесть своихъ ротъ и повелъ ихъ въ контръ-атаку.

Это былъ красивѣйшій, незабываемый моментъ.

Чувствовалось,—что насталъ кризисъ боя, когда разсыпанныя цѣпью роты начали свое рѣшительное движеніе. И въ эту минуту впереди ротъ, рядомъ съ командиромъ полка, какъ изъ-подъ земли, выросла фигура полкового батюшки, отца Евтихія Тулупова...

Въ епитрахили, съ крестомъ въ рукахъ, о. Евтихій шелъ впереди цѣпи и старался поспѣть за командиромъ полка, широкимъ шагомъ мѣрившимъ поле.

Въ этихъ раздувавшихся на вѣтрѣ сѣдыхъ кудряхъ, во всей маленькой фигурѣ согбеннаго старца-монаха, высоко надъ головой поднимавшагося св. крестъ, было столько красоты, величія и героизма...

Впереди показалась непріятельская цѣпь. Раздался первый залпъ. И пролилась первая кровь—батюшка былъ раненъ въ ногу.

Но рана не охладила его порыва. Наскоро перевязавшись, онъ снова вышелъ впереди цѣпей и пошелъ, хромая, опять рядомъ съ командиромъ полка.

Потомъ—безпорядочный ружейный огонь, трещаніе нѣсколькихъ пулеметовъ и дружный ударъ въ штыки...

Въ штыковой схваткѣ некогда было разбираться, кто раненъ, кто убитъ.

И когда уже нѣмцы отхлынули назадъ, оставивъ на полѣ груды тѣлъ, и наши, утомленные боемъ, окончили преслѣдованіе разбитаго врага, тогда только хватились, гдѣ батюшка.

Тѣло отца Евтихія разыскали на полѣ—тѣло съ грудью, пронзенной цѣпью снопомъ пулеметныхъ пуль...

Ночью отца Евтихія хоронили.

Трогательныя похороны героя.

Безлунной ночью въ глухомъ лѣсу, гдѣ мягко шумѣли верхушки сосенъ, собрался полкъ—утомленные боемъ солдаты, еще пахнувшіе порохомъ дымомъ. Безмолвно ждали, когда выкопть могилу. И ночную тишь нарушала лишь шумъ лѣса, да стукъ лопаты...

Обнажили головы. Колѣнопреклоненный полкъ выслушалъ слова нечальной молитвы, что прочелъ командиръ полка надъ гробомъ убитаго отца Евтихія...

Прошли „Вѣчную память“ и гробъ опустили въ свѣжую вырытую могилу. Быстро изъ отдѣльныхъ горстей земли выросъ могильный холмъ.

„Здѣсь похороненъ полковой священникъ К. полка, отецъ Евтихій Тулуповъ, іеромонахъ Богородицкой-Площанской пустыни, Брянскаго уѣзда, Орловской губерніи, убитый въ бою съ германцами 9 іюля 1915 года“...

Въ печальномъ молчаніи расходились солдаты...

За нынѣшнюю войну о. Евтихій Тулуповъ былъ награжденъ орде-

номъ св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ и представленъ къ награжденію наперстнымъ крестомъ на георгіевской лентѣ и за подвигъ 9 іюля къ ордену ст. Георгія 4 ст. („Нов. Вр.“).
